

К Е Н
ФОЛЛЕТТ

К Е Н
ФОЛЛЕТТ

БЕЛАЯ МГЛА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-311.6
ББК 84(4Вел)-44
Ф 75

Серия «Ф.О.Л.Л.Е.Т.Т.»

Ken Follett
WHITEOUT

Перевод с английского *Т. Кудрявцевой*

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Печатается с разрешения автора.

Фоллетт, Кен.

Ф 75 Белая мгла [роман] / Кен Фоллетт ; [пер. с англ. Т. Кудрявцевой]. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 352 с. — (Ф.О.Л.Л.Е.Т.Т.).

ISBN 978-5-17-982828-0

Секретная правительственная лаборатория ограблена!

Сверхсовременная система сигнализации почему-то не сработала. Лаборант, занимавшийся разработкой вакцины против таинственного вируса, погиб. И похищен контейнер, содержащий смертельный вирус.

Кто подвергает угрозе жизни сотен тысяч людей?!

Расследование начинает начальник службы безопасности лаборатории Тони Галло. Пока ее надежда — снежная буря, которая должна хотя бы на время остановить преступников!..

УДК 821.111-
311.6
ББК 84(4Вел)-44

© Ken Follett, 2004

© Перевод. Т. Кудрявцева, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

ISBN 978-5-17-982828-0

Канун Рождества

1.00

Двое усталых мужчин посмотрели на Антонию Галло — в глазах их были возмущение и враждебность. Им хотелось уйти домой, а она не позволяла. И они знали, что она права, но от этого им было не легче.

Все трое находились в отделе персонала «Оксенфорд меди-кал». Антония, которую все звали Тони, была директором по оборудованию и главным образом отвечала за соблюдение секретности. «Оксенфорд» — небольшая фармацевтическая фирма, «компания-бутик» на биржевом жаргоне, — занималась изучением смертоносных вирусов. И на соблюдение секретности смотрели очень серьезно.

Тони проверила наличие рабочего материала и обнаружила, что не хватает двух доз вещества для проведения экспериментов. Это было достаточно серьезно: вещество — противовирусный реактив — совершенно засекречено, его формула была бесценна. Оно могло быть выкрадено для продажи конкурирующей компании. Но была и другая, более страшная возможность его использования — при одной мысли об этом усеянное веснушками лицо Тони помрачнело, на нем отразилась тревога, а зеленые глаза потемнели. Ведь вор мог украсть медикамент для личного пользования. И объясняться это могло лишь тем, что кто-то заразился одним из смертельных вирусов, используемых в лабораториях компании «Оксенфорд».

Лаборатории помещались в большом доме девятнадцатого века, построенном миллионером времен королевы Виктории в виде

шотландского дома для празднеств. Его прозвали «Кремль» — из-за окружавшего дом двойного забора, по которому была проложена острая как бритва проволока, охранников в форме и современной электронной защиты. Сам же дом был скорее похож на церковь с заостренными арками, башней и горгульями на крыше.

Отделу персонала выделили одну из самых роскошных спален. В ней сохранились стрельчатые окна и стены, обтянутые холстом, но теперь вместо гардеробов стояли картотеки, а вместо туалетных столиков с хрустальными флаконами и щетками в серебряной оправе — письменные столы с компьютерами и телефонами.

Тони и двое мужчин сидели на телефонах, обзванивая всех, у кого был пропуск в сверхсекретную лабораторию. Здесь было четыре уровня биозащиты. В лаборатории самого высокого уровня секретности ЛБЗ-4 ученые работали в скафандрах, занимаясь вирусами, против которых не существовало вакцин или противоядий. Поскольку это было наиболее защищенное в здании место, медикамент, с которым велись эксперименты, держали тут.

Не все имели доступ в ЛБЗ — лабораторию биозащиты — четвертого уровня. Для этого необходимо было пройти специальное обучение, как распознавать биологическую опасность, — даже тем, кто обслуживал вентиляционное оборудование и ремонтировал автоклавы. Тони тоже прошла обучение, чтобы иметь возможность заходить в лабораторию для проверки соблюдения секретности.

Из восьмидесяти сотрудников только двадцать семь человек имели туда доступ. Однако многие уже уехали на Рождество, и вслед за понедельником наступил вторник, а трое находившихся в помещении людей еще не всех поймали по телефону.

Тони добралась до Он-бич-клуб, курорта на Барбадосе, и долго убеждала помощника управляющего найти лаборантку по имени Дженни Кроуфорд.

Ожидая у телефона, Тони посмотрела на свое отражение в окне. Она хорошо держалась, несмотря на поздний час. Ее шоколадного цвета костюм в полоску не утратил элегантности, густые волосы в порядке, на лице никаких следов усталости. Отец ее был испанец, а мать — шотландка, и Тони унаследовала от матери белую кожу и рыжеватые волосы. Она была высокая, крепко сложенная. «Совсем неплохо выгляжу для тридцати восьми лет», — подумала она.

— Там у вас ведь глубокая ночь! — заметила Дженни, подойдя к телефону.

— Мы обнаружили в ЛБЗ-4 расхождение с журналом, — пояснила Тони.

Дженни была явно навеселе.

— Подумаешь, — небрежно бросила она. — Никто ни разу не считал это великой драмой.

— Это потому, что я тут не работала, — сухо произнесла Тони. — Когда вы в последний раз заходили в лабораторию?

— По-моему, во вторник. Разве вы не могли это выяснить по компьютеру?

Могла, но Тони хотела проверить, подтвердит ли Дженни запись в компьютере.

— А когда вы в последний раз открывали хранилище? — Хранилищем в ЛБЗ-4 был запертый на замок холодильник.

Голос у Дженни стал звучать неприветливо:

— Право не помню, но это же записано на видео. — Замок, открывавшийся от нажатия на комбинацию цифр, включал камеру, которая снимала все время, пока дверь хранилища была открыта.

— Вы помните, когда в последнее время работали с Мадобой-два? — Это был вирус, над которым работали сейчас ученые.

— Какого черта, — воскликнула потрясенная Дженни, — именно это пропало?

— Нет. Тем не менее...

— Не помню, чтобы я когда-либо брала вирус. Я ведь работаю в лаборатории главным образом над выращиванием живой ткани. Это соответствовало имевшейся у Тони информации.

— А вы не замечали, чтобы кто-либо из ваших коллег в последние недели вел себя как-то странно или не так, как обычно?

— Да вы меня допрашиваете, как в гестапо, — сказала Дженни.

— Считайте, как хотите, так замечали вы?..

— Нет, не замечала.

— Еще один вопрос. У вас температура нормальная?

— Черт побери, вы что, хотите сказать, что я подцепила Мадобу-два?

— Вы не простужены, вас не лихорадит?

— Нет!

— Значит, все в порядке. Вы уехали из страны одиннадцать дней назад — если бы с вами было что-то не так, вы чувствовали бы симптомы гриппа. Благодарю, Дженни. По всей вероятности, в журнале просто отсутствует отметка, но нам необходимо в этом удостовериться.

— Что ж, вы испортили мне ночь. — И Дженни повесила трубку.

— Как вам не стыдно, — произнесла Тони в мертвый телефон. Она положила трубку и сказала: — Дженни Кроуфорд проверена. Корова, но честная.

Директора лаборатории звали Ховард Макэлпайн. Густая седая борода, взбивавшаяся высоко по щекам, создавала впечатление, будто вокруг глаз у него розовая маска. Он был педантичен, но не придирчив, и Тони, в общем, с удовольствием работала с ним, а вот сейчас он кипел. Он сидел, откинувшись на стуле, забросив руки за голову.

— Скорее всего незарегистрированный материал был вполне законно кем-то использован, забывшим сделать запись в журнале. — Он сказал это раздраженным тоном, так как уже дважды говорил то же самое.

— Надеюсь, что вы правы, — не слишком уверенно произнесла Тони.

Она встала и подошла к окну. Комната отдела персонала выходила на пристройку, где размещалась ЛБЗ-4. Новое здание было построено в том же стиле, что и «Кремль» — с трубами, похожими на сахарные батончики, и башней с часами, так что человеку постороннему трудно было угадать снаружи, где находится сугубо секретная лаборатория. Однако стекла в ее стрельчатых окнах были матовые, резные дубовые двери не открывались, а с голов горгулий смотрели одноглазые телевизионные камеры. Это был цементный бункер, замаскированный под дом в викторианском стиле. В новом доме было три уровня. На первом этаже размещались лаборатории. Помимо помещений для исследований и складов, там находился еще медицинский изолятор для заразившихся опасным вирусом. Им ни разу не пользовались. Верхний этаж был отведен для вентиляционного оборудования. А внизу сложные машины стерилизовали все отходы из здания. Только люди выходили живыми из этого дома.

— Мы многое узнали из этого обзвона, — примирительным тоном произнесла Тони.

Она нервничала, считая, что находится в сложном положении. Оба мужчины были старше ее — и по положению, и по возрасту: обоим было за пятьдесят. И хотя Тони не имела права приказывать им, она убедила их воспринять случившееся как кризис. Эти мужчины хорошо относились к ней, но их добрая воля была на пределе. Тем не менее Тони считала, что должна настоять на своем. Ведь на карту были поставлены безопасность людей, репутация компании и ее карьера.

— В будущем у нас всегда должны быть номера телефонов всех, кто имеет доступ в ЛБЗ-4, где бы они ни находились, чтобы в случае чрезвычайной ситуации можно было быстро с ними связаться. И мы должны просматривать журнал чаще чем раз в год.

Макэлпайн буркнул что-то себе под нос. Как директор лаборатории, он отвечал за журнал, и настроение его объяснялось тем, что это он должен был обнаружить отсутствие пометки в журнале. Он плохо выглядел по сравнению с деловитой Тони.

Тони повернулась к другому мужчине, директору по кадрам.

— Как далеко мы продвинулись по вашему списку, Джеймс?

Джеймс Эллиот оторвал взгляд от экрана компьютера. По манере одеваться он походил на брокера — носил полосатые костюмы и пестрые галстуки, словно желал выделяться среди ученых, ходивших в твиде. Такое было впечатление, что он считал правила безопасности нудной бюрократией, возможно, потому, что сам никогда не работал с вирусами. Тони находила, что он помпезен и глуп.

— Мы переговорили со всеми, кроме одного, из двадцати семи сотрудников, имеющих доступ в ЛБЗ-4, — произнес он, подчеркивая слова, словно учитель, уставший что-то объяснять самому тупому в классе ученику. — Все сказали правду, когда в последний раз заходили в лабораторию и открывали хранилище. Ни один не заметил, чтобы кто-то из коллег вел себя странно. И никого не лихорадит.

— А кто у нас остался неохваченным?

— Майкл Росс, лаборант.

— Я знаю Майкла, — сказала Тони. Это был застенчивый неглупый человек лет на десять младше ее. — Я даже была у него дома. Он живет в коттедже милях в пятнадцати отсюда.

— Он работает в нашей компании восемь лет без единого замечания. — Макэлпайн провел пальцем по списку и сказал: —

В последний раз он заходил в лабораторию две недели назад — проверял животных.

— А потом что делал?

— Был в отпуске.

— Он должен был сегодня выйти на работу, — вставил Эллиот. И посмотрел на свои часы. — То есть вчера. В понедельник утром. Но не явился.

— Сказался больным?

— Нет.

Тони в удивлении подняла брови.

— И мы не можем с ним связаться?

— Ни его домашний телефон, ни мобильный не отвечают.

— Вам это не кажется странным?

— То, что одинокий молодой мужчина решил продлить отпуск, не предупредив своего нанимателя? Так же странно, как то, что в Гленко идет дождь.

Тони снова повернулась к Макэлпайну:

— Но вы же говорите, что Майкл на хорошем счету.

Вид у директора лаборатории был встревоженный.

— Он человек очень добросовестный. Удивительно, что он решил устроить себе отпуск без разрешения.

— Кто был с Майклом, когда он в последний раз заходил в лабораторию? — спросила Тони. Она знала, что кто-то должен был с ним быть, так как по правилам в ЛБЗ-4 из-за опасности никто не мог работать в одиночестве.

Макэлпайн взглянул на свой список.

— Биохимик доктор Ансари.

— По-моему, я его не знаю.

— Ее. Это женщина. Моника.

Тони взяла трубку телефона.

— Какой у нее номер?

Моника Ансари говорила с эдинбургским акцентом и, похоже, была разбужена от крепкого сна:

— Ховард Макэлпайн мне уже звонил.

— Извините, что беспокою вас снова.

— Что-то случилось?

— Это по поводу Майкла Росса. Мы не можем его найти. Вы, кажется, были с ним в воскресенье, две недели назад в ЛБЗ-четыре.

— Да. Одну минуту. Я включу свет. — Пауза. — Господи, неужели так поздно?

— Майкл на другой день ушел в отпуск, — не отставала Тони.

— Он сказал мне, что собирается съездить к матери в Девон.

Тони тут же вспомнила, почему она была у Майкла дома. Около полугода назад она упомянула в разговоре в столовой, как ей нравятся портреты пожилых женщин Рембрандта — с какой любовью выписаны каждая складочка, каждая морщинка. Сразу видно, сказала она, как, должно быть, Рембрандт любил свою мать. Майкл так и расцвел и сказал, что у него есть копии нескольких рисунков Рембрандта, которые он вырезал из журналов и каталогов аукционов. После работы она поехала с Майклом к нему посмотреть портреты — изображения пожилых женщин в изящных рамках занимали всю стену его маленькой гостиной. Тони волновалась, опасаясь, что он предложит ей остаться — он ей нравился, но не в таком плане, — однако, к ее облегчению, выяснилось, что он хотел лишь показать ей свою коллекцию. Словом, она решила, Майкл — маменькин сынок.

— Это нам поможет, — сказала Тони Монике. — Подождите немного. — Она повернулась к Джеймсу Эллиоту: — Есть у нас данные его матери для контакта?

Эллиот повел мышкой и щелкнул.

— Она числится как его ближайший родственник. — И взял телефонную трубку.

А Тони снова заговорила с Моникой:

— В тот день Майкл выглядел как всегда?

— Абсолютно.

— Вы вместе вошли в лабораторию?

— Да. Потом, конечно, каждый пошел в свою раздевалку.

— А когда вы вошли в саму лабораторию, он был уже там?

— Да, он быстрее переоделся.

— Вы работали рядом с ним?

— Нет. Я была в боковом отсеке — занималась выращиванием живой ткани. А он проверял животных.

— Вы ушли из лаборатории вместе?

— Он ушел на несколько минут раньше.

— У меня такое впечатление, что он мог заглянуть в хранилище без вашего ведома.

— Вполне мог.

— А какого вы мнения о Майкле?
— Нормальный малый... по-моему, безобидный.
— Угу, это доброе слово о нем. А вы не знаете, есть у него девушка?

— По-моему, нет.

— Вы считаете его привлекательным?

— Приятный, но не сексуальный.

Тони улыбнулась.

— Точно. Ничего странного за ним не замечали?

— Нет.

Почувствовав, что женщина ответила нерешительно, Тони помолчала, давая ей подумать. Рядом с ней Эллиот говорил с кем-то — просил позвать к телефону Майкла Росса или его мать.

Через минуту Моника сказала:

— То, что человек живет один, еще не значит, что он чокнутый, верно?

Тем временем Эллиот произнес в трубку:

— Как странно. Извините, что потревожил вас так поздно.

Услышав это, Тони захотелось узнать, в чем дело. И она поспешила закончить свой разговор:

— Еще раз спасибо, Моника. Надеюсь, вы сумеете снова заснуть.

— Мой муж — семейный врач, — сказала Моника. — Мы привыкли, что нам звонят среди ночи.

Тони повесила трубку.

— У Майкла Росса было полно времени открыть хранилище, — сказала она. — И он живет один. — Она посмотрела на Эллиота: — Вы дозвонились до его матери?

— Это телефон дома для престарелых, — сказал Эллиот. Вид у него был встревоженный. — И миссис Росс умерла прошлой зимой.

— А, черт, — вырвалось у Тони.

3.00

Сильные прожекторы освещали башенки и остроконечные крыши «Кремля». Градусник показывал минус пять, но на небе не было ни облачка, и снег не шел. Здание выходило в викторианский сад со старыми деревьями и кустами. В сером свете на три

четверти полной луны обнаженные нимфы играли в сухих фонтанах под охраной каменных драконов.

Тишину разорвал рев моторов двух фургонов, выехавших из гаража. На обоих были международные знаки биоопасности — четыре разорванных черных круга на ярко-желтом фоне. Часовой у сторожки уже поднял шлагбаум. Фургоны выехали и на опасной скорости свернули на юг.

Тони Галло была за рулем передней машины — она ехала, как на своем «порше», посреди дороги, разгоняя мотор, лихо беря повороты. Она боялась опоздать. В фургоне вместе с Тони были трое мужчин, обученных обеззараживанию. Вторая машина была изолятором на колесах с медбратом за рулем и с доктором Руфью Соломонс рядом.

Тони боялась ошибиться, но была в ужасе от того, что могла быть права.

Она действовала по красному сигналу опасности на основании всего лишь подозрения. Медикамент мог быть вполне законно использован кем-то из ученых, забывшим сделать соответствующую запись в журнале, как считал Ховард Макэлпайн. А Майкл Росс мог просто продлить отпуск без разрешения, и сообщение о смерти его матери могло быть всего лишь какой-то путаницей. Если все это так, кто-то наверняка скажет, что Тони пережала... как типичная истеричка, добавит Джеймс Эллиот. Она ведь может обнаружить Майкла Росса спокойно спящим с выключенным телефоном, и Тони вся сжалась при мысли, что она станет утром говорить Стэнли Оксенфорду.

Но будет куда хуже, если она окажется права.

Сотрудник отсутствует без разрешения; он солгал насчет того, куда собирался ехать, и в хранилище не хватает нового медикамента. Неужели Майкл Росс совершил что-то, подвергшее его смертельной заразе? Медикамент все еще находился на экспериментальной стадии и не действовал против всех вирусов, но Росс мог решить, что это лучше, чем ничего. Какое бы дело Росс ни затеял, он не хотел, чтобы кто-то в течение двух недель звонил ему домой, и потому сделал вид, что уезжает в Девон к матери, которой уже не было в живых.

Моника Ансари сказала: «То, что человек живет один, еще не значит, что он чокнутый, верно?» Подобная фраза может означать как раз противоположное. Биохимик почувствовала в Майкле

что-то странное, хотя, будучи рационально мыслящим ученым, не решалась положиться на интуицию.

А Тони считала, что интуицией никогда не надо пренебрегать.

Ей была невыносима мысль о последствиях, если вирус Мадоба-2 каким-то образом вырвется из пробирки. Он крайне заразен и распространяется через кашель и чиханье. И смертелен. От ужаса ее пробирала дрожь, и она нажала на акселератор, ускоряя движение.

На дороге никого не было, и они за двадцать минут доехали до уединенного дома Росса. Подъезд к нему не был ясно обозначен, но Тони помнила, как ехать. Она свернула на короткую подъездную дорогу, что вела к низкому каменному коттеджу, стоявшему за садовой оградой. Дом был темен. Тони остановила фургон рядом с «фольксвагеном-гольф», по всей вероятности, машиной Майкла. И погудела — долго и громко.

Ничего. Свет не загорелся, никто не открыл дверь или окно. Тони выключила мотор. Тишина.

Если Майкл уехал, то почему его машина тут?

— Костюмы, пожалуйста, джентльмены, — сказала Тони.

Все натянули оранжевые скафандры — в том числе и медики из второго фургона. Костюмы были из толстого пластика, который нелегко было не только проколоть, но и просто согнуть. Застежкой служила молния. Они помогли друг другу натянуть перчатки и стянуть их на запястье пластичным лейкопластырем. Затем всунули обтянутые полиэтиленом ноги в резиновые сапоги.

Костюмы герметически замуровывали человека. Он дышал через фильтр «ХЕПА» с высокоэффективной фильтрацией частиц воздуха и электровентилятором, работавшим от комплекта батарей на пояс костюма. Фильтр не пропустит ни одной выдохнутой частицы с бактериями или вирусами. Он также не пропускает запахи — кроме самых сильных. А вентилятор постоянно жужжит, что некоторым действует на нервы. Вмонтированные в шлем наушники позволяют переговариваться друг с другом и с коммутатором в «Кремле» по неприслушиваемому радиоканалу.

Когда все были готовы, Тони снова посмотрела на дом. Кто-нибудь, выглянув сейчас в окно и увидев семь человек в оранжевых скафандрах, подумал бы, что инопланетяне действительно существуют.

Но если кто-то в доме и был, он не смотрел в окно.

— Я пойду первой, — сказала Тони.

И она направилась к главному входу, тяжело шагая в неудобном пластиковом костюме. Она позвонила и постучала дверным молоточком. Немного выждав, стала обходить дом. Позади был аккуратный садик с деревянным сараем. Задняя дверь была незаперта, и Тони вошла в дом. Она вспомнила, как стояла на кухне, пока Майкл готовил чай. Она быстро пошла по дому, включая по ходу свет. Вырезки по-прежнему висели в гостиной. В доме было чисто, прибрано и пусто.

— В доме никого, — произнесла она в микрофон в шлеме. Она слышала собственный подавленный голос.

Почему Майкл ушел из дома, не заперев его? Возможно, он не собирается возвращаться.

Вот это удар. Если бы Майкл был тут, тайна могла бы быстро разрешиться. А теперь придется объявить розыск. Ведь он может быть где угодно, в любом уголке земного шара. Так что неизвестно, сколько уйдет времени, чтобы его найти. Тони стало страшно при мысли о том, сколько будет нервотрепки — и не дней, а даже недель, полных тревоги.

Она снова вышла в сад. Стремясь ничего не упустить, потянула дверь сарая. Эта дверь тоже была не заперта. Открыв ее, Тони почувствовала запах — неприятный, но смутно знакомый. «Должно быть, очень сильный, — подумала она, — раз проник сквозь фильтр. Это кровь». В сарае пахло скотобойней.

— О господи, — прошептала Тони.

Руфь Соломонс, услышав ее, спросила:

— В чем дело?

— Одну минуту.

В маленькой деревянной постройке было черным-черно — окон в ней не было. Тони пошарила в темноте и нащупала выключатель. Когда вспыхнул свет, она вскрикнула.

Ее спутники одновременно спросили, что там.

— Скорее сюда! — сказала она. — К садовому сараю. Первой идет Руфь!

На полу, лицом вверх, лежал Майкл Росс. Его заливала кровь — она текла из глаз, из носа, изо рта, из ушей. На дощатом полу вокруг него была целая лужа. Тони не требовался врач, чтобы сказать, что у Майкла классические симптомы Мадобы-2 и аналогичных инфекций. Майкл представлял собой серьезную